

12+

Ульяна Орлова

Через тернии к... дому!

Ульяна Владимировна Орлова

Через тернии к... дому

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63019696

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-94365-0

Аннотация

Антон живёт в интернате. Однажды, не выдержав тоски по дому и насмешек, он решается бежать домой. По дороге он подбирает бездомного малыша Славку. Разве его оставишь? Антон берет его с собой. Но путь до дома не близкий, а ребята встречают такие трудности, о которых даже не догадывались... Книга для детей и о детях. Книга для родителей и о них. Книга о том, что близко каждому из нас: дружба, взаимопомощь и надежда.

Содержание

Глава 1. Побег	4
Глава 2. Куда же теперь?	9
Глава 3. Ты кто?	20
Глава 4. Двое на одной дороге	29
Глава 5. Мечта	38
Глава 6. Ночные поиски	47
Глава 7. Трудная дорога	58
Глава 8. Найти и потерять	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Ульяна Орлова

Через тернии к... дому

Для детей не существует границы между возможным и невозможным. Эти границы придумали взрослые. Нужно только очень сильно чего-то хотеть, чтобы это стало возможным.

Юхан Теорин «Ночной штурм»

Глава 1. Побег

Антошка возвращался с прогулки довольный. Как не радоваться: солнце яркое, небо чистое, синее-синее, в лужах отражается всё лучше, чем в зеркале! И тепло. «Наверное, – подумал он, – пойдём запускать с Шуркой новую модель аэроплана. Ветер юго-западный, ровный, может, он и полетит. Тогда это будет открытие...» С такими мыслями Антон вошел в тёмное здание интерната.

* * *

– Тошка! К директору на собеседование!

Тошка молча лежал на кровати лицом вниз и не откликнулся.

– Тошка! Ну, ты чего? Тошка!

Шурка подошёл к нему, положил руку на плечо. Тошка всхлипнул.

– Тошка, не вздумай!

Тошка поднялся, отряхнулся, будто постель была пыльной, и сказал:

– Пойдём.

Они прошли по длинному коридору, не обращая внимания на любопытные взгляды, и вошли в директорскую.

Тошка почувствовал себя безоружным перед противником. Здесь, оказывается, собралась куча народу. Кроме воспитателей и директора были и ребята, и среди них – Язык Кривецкий. Он, прищурившись, смотрел на Антона, не отводя взгляда прозрачно-зелёных насмешливых глаз. Так смотрит человек на жука или бабочку, попавшую в ловушку: раздавить или не стоит?

– Антон, ты явился?! Почему так долго? – это воспитатель средней группы.

– Он плакал! Ы-ы-ы!

– Что ты, он искал свои рубрики!

– Да нет, ребята, он заряжал новый пистолет против директора.

Послышались смешки.

– Тихо! – это директор.

– Антон, объясни свое ужасное поведение, – это замдиректора.

Антон молчал.

– Антон, не заставляй нас ждать. Как ты посмел ударить товарища?! Это свинство с твоей стороны! И вообще...

– Кира Павловна! Что вы сразу на Антона?! Вы же ещё ничего не знаете! – попробовал вступиться Шурка. Он стоял рядом с Антоном.

– Александр! Как ты смеешь перебивать взрослых? Ветерков! Антон! Что ты молчишь?!

Антон наконец проговорил:

– А что говорить? Конечно, я кругом виноват! Знаете, так можно много чего найти, чтобы придраться! Пусть лучше он говорит! – Антон указал на Кривецкого.

– А я ничего! Я только посмотрел его фотки. Подумаешь, жалкие картинки! Жалко, да? Маменькин сынок!

– Жалкие?! Тебя просили? Лезть в мою жизнь, брать мои деньги! Рыться в моих вещах!..

– Тихо! Антон, расскажи по порядку!

– Антону жалко копеечный фотоаппарат. Конечно, с порванными денежками и не то жалко будет. Он боялся, что я увижу его секреты. Да там только носочки и платочки – мамочка прислала!

Кто-то засмеялся. Антон в упор смотрел на Языка. Есть ли в нём капелька совести? Что-то человеческое?! В глазах его играла какая-то злобная насмешка. Как и всегда, впрочем... Да что же это такое?!

Неужели всё то, что происходит – правда?! Антон поморгал. Да нет, правда: вот стол, за которым сидит, подперев лоб,

директор и уныло смотрит по очереди то на него, то на Язика; вот на столе его, Антошкины, деньги. А за окном – прозрачное голубое небо, ветки берёзы с маленькими зелёными каплями чуть покачиваются от тёплого ветра...

Зачем?! Зачем это ненужное, долгое, обидное разбирательство, из которого он, скорее всего, снова выйдет неправым?! Зачем этот душный кабинет, эти взгляды – осуждающие, усталые, раздосадованные, когда там за окном его настоящая жизнь, и ветер для нового самолёта, который они так долго строили с Шуркой! Шурка, опустив голову, смотрел в пол. А Тошка вздохнул и вдруг понял, что нет – не будет этой солнечной жизни, пока он её не защитит. Ветер – не его. Солнце – не его. Даже небо сейчас было чужим и далёким... Антон вскинул ресницы – брызги посыпались.

– А тебе, подлец, понравится, если я с тобой так?!

– Антон! Да как ты смеешь?! Это наглость с твоей стороны так выражаться при взрослых! Ты ничего нам не объяснил, выходит, сам виноват. Будешь соответствующе наказан! Или рассказывай, или проси прощения у Кривецкого!

– Антошенька! Не бойся, ремнём тебя не накажут! Подумаешь, в сортире полы помоешь пару раз... А «извини» не надо говорить, и так разнюнился. Что, Антошенька, правда глаза колет?

Антон еле сдерживал себя. Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

– Ну, ты и г-гад!

– Хи-хи-хи! Антон удостоил меня ответа! Да я тебя... как букашку... – Кривецкий, сделав вид, что плюнул себе под ноги, носком кроссовка растёр то место, – а-ах!

Послышался уже открытый смех ребят – дружков Кривецкого. Тогда Антон, схватив со стола свои деньги, толкнул дверь и рванул из этого кабинета. Добежав до комнаты, прикрыл за собой дверь и на секунду прислушался: в конце коридора доносились крики и какая-то возня. Дальше он всё делал быстро. Сунул за пояс свой игрушечный пистолет. Взял фотоаппарат («Ага, копеечный», – пронеслось в голове... Папа не стал покупать себе новый телефон и вместо него купил Тошке цифровик... Телефон у отца был старый-старый, какой-то «допотопной» модели и промок в экспедиции...) Накинул старенькую синюю курточку, кепку. Написал быстрыми взмахами на столе:

«Шурка! Прощай!

То...»

Через ступеньку сбежал по лестнице и, миновав ошеломлённую вахтёршу, выскочил из интерната. Слева от здания находилась большая детская площадка, за ней – несколько топольков, прикрывавших лазейку в заборе. Стержни ограды были немного отогнуты, лазейка эта была новая, появившаяся после того, как заделали старую – за зданием интерната, возле гаражей, – достаточно широкая для ребёнка, но узкая для взрослого. Тошка пролез через неё и, не оглядываясь, побежал.

Глава 2. Куда же теперь?

Если месяц разделить на недели, то будет около четырёх с половиной. А это – тридцать дней. Или тридцать один, но пусть будет тридцать. На день меньше.

А в тридцати днях... Семьсот двадцать часов. А минут...

Они тянутся совсем медленно, они застывают на месте, словно машины в пробке. Они упрямо не хотят продвигаться.

Медленнее всего они тянутся в школе. Чуть быстрее – когда ты читаешь книжку или болтаешь с Шуркой. Но библиотека не всегда бывает открыта, а у Шурки уроки заканчиваются позже – у них другое расписание...

Совсем быстро исчезают минуты во сне. Особенно, если там – дом. Но вот после подобных снов, когда ты просыпаешься, смотришь в окно и вдруг понимаешь, что таких занавесок у тебя дома нет, и тополя за окном нет, а потом видишь ещё несколько таких же полусонных кроватей, осознаёшь, что ты не дома, то ты... Хочешь уйти назад в свой сон, но уже не получается, потому что – подъём. И ты встаёшь, но всё ещё не можешь поверить, что это не сон и дом твой не здесь.

Или сон?

Такой тоски во сне не бывает. И такого ощущения, что ты потерял себя, что словно тебя выхватили и унесли в другое

измерение без твоего ведома, а ты пытаешься вернуться обратно, отказываясь верить, что это невозможно... Встаёшь, ищешь свои тапки среди кучи похожих – не находишь...

А потом слышишь смех, нет – дикий хохот, и просыпаешься окончательно.

Такие сны Антон не любил. Вернее, любил и не любил одновременно. Разве возможно такое? Скорее да, чем нет. Так же возможно, как мечтать о родителях и не быть с ними...

Семьсот двадцать часов. Но это – в месяце. А сейчас они обещали приехать через полтора... Это уже тысяча, это – бесконечность... До тысячи у него никогда не получалось сосчитать – он засыпал. Или не хватало терпения, или его отвлекали и он сбивался, а заново начинать уже не хотелось...

Летом часы двигались быстрее, но летом не было школы. Лето – оно доброе, оно дружило с Тошкой, оно не задерживало минутки, а ещё, если очень захотеть – оно делало хорошую погоду. И Шурку не надо ждать, можно сидеть с ним под деревом и смотреть, как он рисует. А когда он наконец положит свой тоненький карандаш на альбом и поднимет зелёные глаза – посмотрит так, что захочется сказать: «Шурка, знаешь вот...»

Лето часы отмеряло только завтраками, обедом и ужином. И наступающей внезапно ночью. Но ночью Тошке не всегда снился дом – чаще он просто проваливался в темноту и потом не мог вспомнить, что ему снилось. Ну, раз так – значит не нужно... Да, ещё летом были глупые зарядки по утрам и

какие-то игры, где собирали зачем-то всех детей и надо было бегать и заниматься всякой ерундой...

Но до лета ещё нужно было дожить. Пока оно показалось лишь блестящими ручейками и молодыми листочками, но вредные школьные часы медлили и отодвигали его. Отодвигали его, а вместе с ним – и родителей... Хорошо, что придумали сотовые телефоны.

Плохо, что придумали сотовые телефоны.

Возьмёшь трубку и если повезёт – услышишь знакомый голос, будто вот она, мама, – совсем рядом, если закрыть глаза... И слушаешь, слушаешь, запоминая каждый оттенок, пытаешься запомнить каждое слово, но почему-то запоминаются только две фразы: «Тошка ты мой, Тошка...» и «осталось чуть-чуть, мы скоро приедем...» В последний раз разговор закончился на фразе: «летом у нас не будет отпуска, Антон...» – и кончились деньги. А потом телефон украли.

Дело замяли, Кривецкий ускользал от любых обвинений, как селёдка, хотя Тошка знал, что последним из комнаты выходил он. Так же, как знал и то, что перед этим поставил мобильник на подзарядку...

Только и осталось, что написать родителям письмо, но пока оно дойдёт... Если дойдёт ещё вообще.

Они приедут и уедут, а он останется.

Кажется, что он здесь вечно, так же вечно, как интернат. Как кровать с одеялом, в которую всегда забираешься с опаской, потому что никогда не знаешь, что там. Нет, когда он

очень устаёт, он туда просто плюхается, но это опрометчиво: залезаешь под одеяло, а там паук! Живой огромный чёрный паук шевелит своими волосатыми лапами...

– А-а-а!

Он же ядовитый, он противный, у него восемь глаз, он... Неживой он!

Где они нашли это?! Господи, зачем?!

После этого ложиться уже не хочется, спать уже не хочется... Пожалуй, единственное, что хочется – это выбежать из комнаты, чтобы не слышать тот дикий хохот! Тупой смех... Разве так смеются?

Разве смеются, когда ты бежишь в школу, потому что – ну не успел ты, – пробегаешь под лестницей и чувствуешь, как на твою голову что-то шлёпается – липкое и мокрое. И понимаешь, что в школу ты теперь опоздал... Разве смеются, когда ты заглядываешь в рюкзак и не находишь там учебника, хотя утром клал его туда, или когда в раздевалке ищешь свою шапку, а находишь её засунутую куда-то под полку с ботинками?

И ты знаешь, что придёшь из школы и там будет то же. Нет тыла. Далеко дом.

Это было всегда. По крайней мере, когда он появился здесь, это уже было. Они были всегда. Они – это Кривецкий и его приятели. Они затюкивали самых слабых, воровали у них деньги и издевались над новичками. Только они умели так смеяться и заводить других. Только они могли в один миг

настроить против тебя весь дружелюбный класс.

И плевать им на то, что ты отбиваешься от них, как можешь. Как муравей среди жуков-могильщиков...

И ты знаешь, что это будет. Что придёт утро, что будет день – и это будет. И никуда не денешься. Так же, как от тоски. А она, может быть, уснёт ненадолго, но проснётся как-ким-нибудь грозным окриком за опоздание к обеду. И будет становиться сильнее вместе с темнотой, когда ты будешь убирать одну комнату с игрушками и грустно рассуждать: зачем их столько – ярких, пластмассовых, холодных, неживых? Дома не было столько, дома не нужно столько – там есть книжки и мама. И с ней можно пить чай, просто сидеть на кухне и смотреть, как она готовит ужин, и ждать отца... А когда он вернётся с работы – даже книжек не нужно: папа знает столько историй, что может рассказывать их часами! А ты сидишь, и слушаешь, и хочешь, чтобы вечер не кончился, чтобы время не двигалось, чтобы замедлились часы...

Убраться – это нетрудно, это несильное наказание за первую драку. А дальше – хуже... Но как не драться-то?

Сегодня, когда он вернулся из школы, то увидел разбросанные на полу вещи и открытые ящики. Нехорошо зашевелилось сердце в тревожной догадке. Он заглянул в свои открытые шкафы и увидел, что его коробочка с деньгами и фотоаппаратом раскрыта и ни фотоаппарата, ни денег там нет. Фотоаппарат он нашёл под кроватью, а деньги... В дверь заглянул испуганный Шурка и скороговоркой, виновато про-

говорил: «Тошка, это они... Я не пускал, но меня вытолкнули за дверь... Тошка, прости...»

Антон замедлил шаг и перевёл дух. Бежать он дальше не мог – грудь сдавило, перед глазами были искры, а ещё внутри осел колючий комок, который мешал двигаться: сгусток отчаяния, тоски и обиды.

Он вернётся, и это останется. И так будет всегда.

Нет!

Нет... Не будет.

Он не вернётся... Это невозможно.

Это всё равно, что самому залезть в мешок. Это всё равно, что прыгнуть через пропасть. Но ради чего?! Нет.

А куда?

Он глубоко задумался и не замечал, куда идет. «Родители вернутся домой в июне... А потом поедут в интернат. А что, если...»

«Но ведь это же далеко... Далеко, а что делать? Туда я больше ни ногой...»

«Так, а сколько же у меня денег?» – Антон вытащил из кармана мятые купюры. Прислонился к железному ограждению, идущему вдоль тротуара. «Пятьдесят, пятьдесят... Сто... двести пятьдесят... Неплохо... Кривецкий утащил всего сотню, а может, она и потерялась где-то...»

Месяц назад, на его день рождения, приезжали родители. Это было счастье! Хоть длилось оно и недолго – всего-то

один день. Но какой! Да этот день стоил кучи тех дней, которые он провёл без них! Он, мама и отец целый день гуляли вместе по городу – просто бродили по улочкам, посидели на лавочке в парке, потом пошли на речку. Лёд раскололся на кучу огромных глыб, и эти глыбы куда-то медленно двигались. И такие же серые облака были их отражением в небе. А он держал за руку отца и всё никак не мог поверить, что это правда – что вот он, папа! Он каждый раз не мог в это поверить и останавливал, молил часы не торопиться, а они, как назло, ускоряли свой темп.

После речки решили перекусить в кафе – попить кофе с шоколадными пончиками и поесть мороженого – как же без него? Ещё и Шурку с собой взяли, чтобы веселее было. Потом фотографировались, а вечером, когда стали прощаться, мама дала Тошке денег, сказав, что это на «вкусненькое». А он не спешил их тратить – сложил их в свою коробочку, где хранил самое дорогое. Вкусненького не хотелось, а деньги – мало ли, пригодятся... Выходит,годились?

Неизвестное будущее – лучше прошлого. Неведомая дорога звала Антона – она обещала успокоение. Она была переменами. И она вела к дому.

Он встряхнулся и посмотрел на яркое солнце, на воробьёв, которые копошились в песке – улыбаться не хотелось, но стало спокойнее. Слезы вскипали в его глазах, когда он вспоминал о разговоре в кабинете директора. Тоска окружала болотом. А дорога выглядывала спасительным мостиком.

«Ничего... Больше такого не будет!»

...Стало смеркаться. И вдруг Антон заметил, что район какой-то незнакомый. А он – один. И он уже устал, и очень хотел спать. Но где?

Он прошёл через двор, обогнул дома и оказался на пустыре. Позади оставался микрорайон, а впереди... Впереди были Гаражи. А ещё дальше – равнина.

«Ну и ладно, переночую в Гаражах» – решил он.

«Гаражи» – так назывался район, состоявший из отчасти заброшенных, отчасти используемых гаражей. Используемые гаражи были расположены ближе к жилому микрорайону. Остальные, заброшенные, находились дальше. Это было одно из самых опасных мест в городе. Изредка там, недалеко от микрорайона, играли ребята. А вглубь заброшенных гаражей опасались ходить даже взрослые. Редко, с краю, милиция просматривала гаражи, но дальше двух-трёх рядов не заглядывала. Ходили слухи, что там живут бродяги, наркоманы.

Антошка, задумавшись, шёл вглубь гаражей. Пока тишина вокруг не заставила его оглядеться. Гаражей было много и, судя по тишине, он ушёл далеко от микрорайона.

И он был здесь один. Совсем!

Тошка бросился искать дорогу. Но в темноте, среди множества похожих гаражей, разве это возможно? Он долго ходил, но в конце концов ему показалось, что он просто ходит

по кругу. В изнеможении он присел на какой-то ящик.

«И вот как теперь отсюда выбраться?.. Дождусь утра...» – даже думать сил уже не было: Тошка откинулся на прохладную железную стену и закрыл глаза. И даже почти уснул, как вдруг какой-то шорох разбудил его. Он прислушался и услышал разговор двух людей.

Первый:

– Смотри, тут кто. Увидит же.

Второй ответил как-то неопределенно:

– Не расскажет.

Они стали шептаться ещё тише, и Тошка не мог разобрать их слов, но от этого шёпота становилось не по себе. Он хотел вскочить, как вдруг его крепко схватили за руку. Тошка дёрнулся:

– Пусти!

– Тихо ты, пойдём!

– Куда?!

– Куда надо!

– Да что вам от меня нужно?! Я вас не трогал!

– Чтобы молчал...

– А кому мне говорить?!

Парни снова зашептались. «Нахальный...» – «Нельзя его оставлять тут, увидит...» Он дёрнулся, пытаясь высвободиться, как вдруг что-то тяжёлое ударило его по голове. В глазах потемнело...

Когда он пришёл в себя, его уже куда-то тащили. В нос

ударил резкий и отвратительный запах перегара. Тошку замутило.

– А ну, пусти!!! – он дёрнулся так, что в плече что-то хрустнуло, и резкая обжигающая боль пронзила руку. Но вырвался, видимо, парень от неожиданности выпустил его. Антон отскочил и вдруг вспомнил про пистолет. Про игрушечный. Достал его.

– Не подходи, – тихо сказал он. Парень замер на месте. В темноте игрушку не отличить от оружия.

– Эй, вы чего там? – крикнул второй, но оглянувшись, остановился. Покачнулся.

Тошка выстрелил. Пистолет с пистонами, но грохот, который он издавал, был очень похож на настоящий.

– Следующий будет в тебя! Только подойди!

Парень шевельнулся, и следующий выстрел прогремел в сторону гаражей.

– Ты чего, пацан, мы же по-хорошему! Давай договоримся, – начал было второй.

Тошка краем глаза заметил слева, между двумя гаражами, темнеющую щель. Лазейку. Но был ли там выход? Напротив, справа от парней, висилась куча ящиков, возле которых был проход, откуда они пришли. Сзади – кирпичная стена. Западня.

– К ящикам! Быстро! – он навёл пистолет на первого парня. – Стоять! – крикнул он второму и медленно-медленно стал отступать влево, к лазейке. Поравнявшись с тёмной ще-

лю, он снова выстрелил и нырнул в неё. Щель оказалась проходом.

Не думая куда, он бежал между гаражами, крепко сжимая в руке пистолет-игрушку. «Как, как все-таки выбраться отсюда?!» Ноги уже еле двигались, в груди словно поселился жгучий шар... «Ещё немного, ну...»

И вдруг гаражи кончились. Впереди был пустырь, ведущий к микрорайону. Не видя ничего вокруг, кроме светившихся огней домов, Тошка миновал пустырь, забежал в первый попавшийся подъезд, юркнул в уголок под лестницу и крепко заснул.

Глава 3. Ты кто?

Всю ночь снилось что-то ужасное. Какая-то погоня, интернат, драка с Кривецким. Пинки не прекращались и были какими-то уж очень реалистичными. Он открыл глаза и увидел бомжа. «А ну, иди отсюда!» – сквозь зубы прошипел тот. Тошка вскочил, ударился обо что-то лбом и выскочил на улицу.

Бока болели. Ныло всё тело, особенно плечо. Что такое? С минуту он стоял возле лужи, вспоминая вчерашние события и раздумывая, как её обойти... Спихнулся, залез в карман: деньги на месте. Поправил кепку, отряхнулся и глянул в лужу. Да-а... Из лужи смотрел грязный, растрепанный мальчишка с синими кругами под глазами. Он натянул посильнее кепку.

За пустырем на горизонте светлели облака. Близился рассвет. Улицы ещё не наполнились людьми, изредка шуршали по сухому асфальту колёса автомобилей. А так – тихо и пусто.

Антон обошёл дом и вышел к пустырю. Слева, вдалеке, виднелись гаражи. А ему нужно идти туда, откуда несмело и ярко выглядывает солнце – на восток. Туда, где на конце пустыря виднеется недостроенный дом, пугая сонную равнину своими чёрными глазищами-окнами. Антон вздохнул и пошёл.

В желудке образовалась чёрная дыра. В суете побега он совсем забыл про еду. Теперь пришлось вспомнить. А больше всего хотелось пить. «Но ведь магазины ещё закрыты... Да и как не попасться? Хотя, наверное, ещё не начали искать... А искать они будут утром – они медленные... И бо-ются».

Возле стройки ему стало не по себе: одинокий дом нависал над ним, откидывая мрачную тень на песок. «Да ладно, ерунда какая... Никого здесь нет, кроме меня...» – успокоил себя Тошка и начал потихоньку напевать...

Эта весёлая песенка стояла раньше на будильнике телефона... Хорошо было под неё просыпаться. Ещё с мамой...

– La la la la la la la la la la la

La la la la la la la la la la

La la la la la la la la la la...¹

Внезапно ему послышался чей-то слабый стон. Антон вздрогнул.

– La la la la la la la la la la, – уже тихо закончил он и прислушался. Чей-то жалобный, негромкий то ли стон, то ли плач доносился из дома. Будто кто-то маленький плакал. «Ребенок? Откуда в таком месте ребенок? Может, кошка забралась туда и не может вылезти? Не, ну не могло же мне показаться...»

Антон обошёл здание, продолжая негромко напевать:

– Dulunga lu menadzi hafanana

¹ Песня Африка Симона (Afric Simone) «Hafanana».

Hanana kukanela shalalala...

Плач стал слышен ближе. Значит, не показалось, но так что же это?!

– Whenna naumija hafanana

Hanana kukanela shalalala...

Он оказался возле дома.

– Hey! Whake you dayuda

ulungu... hafanana...

Антон подтянулся и перелез через бетонную балку в проём окна. И оказался в тёмной сырой комнате.

Здесь никого не было.

– Whake you di... – начал было он и осёкся: каким-то уж очень громким эхом отозвалось хмурое здание на его головок.

Стон доносился откуда-то из-за стен. Антон вздрогнул. Он не верил в привидения, только немного боялся темноты, но здесь ему стало не по себе. Он оглянулся назад и... торопливо вышел в коридор. Если что – убежать он всегда успеет.

– La la la la la la la la la la, – прошептал он.

Коридор – длинный проход вдоль здания. В некоторых комнатах виднелись разбитые стекла. На полу валялись крошки бетона, сухие листья, виднелись окурки и какой-то мусор. Плач стал ближе, и, кажется, доносился из «комнаты» в конце коридора. Но когда Антон оказался возле неё, то кругом стояла тишина. Было только слышно, как он осторожно переступил кроссовками. Посыпалась штукатурка в

проёме стены, и вновь стало тихо. Ему стало страшно, и он побыстрее вошёл в комнату.

Она была пуста.

Только на полу валялись сломанные ящики и какие-то тряпки. В углу комнаты стояли ящики с бутылками. И ни души! Антон обернулся, и, с замирающим сердцем, внимательно осмотрел помещение. Слабый свет проникал через грязные разбитые стекла, но его было достаточно, чтобы увидеть ещё один маленький закуток в углу комнаты возле входа, отгороженный куском брезента. Там, в закутке, кто-то очень тихо всхлипнул. Антон шагнул и отодвинул ширму...

На бетонном полу, прислонившись к стене, сидел маленький мальчик, лет четырёх или пяти. Светлые встрёпанные волосы свешивались ему на лоб и прикрывали закрытые глаза. Майка какого-то непонятного цвета была разодрана, через неё виднелись засохшие корочки царапин, штанишки едва прикрывали щиколотки. Двумя худенькими руками малыш держался за босую ногу. Антон подошёл, наклонился к нему:

– Мальчик...

Ребёнок приоткрыл глаза и сразу их закрыл.

– Помоги... – прошептал он еле слышно и замолчал.

Антон подхватил его на руки. Легонького, невесомого. Мальчик не двигался, только отпустил ногу и доверчиво прижался к нему. Антон встал, быстро, почти бегом, выбрался из комнаты. Как он бежал по коридору, он не помнил, он

лишь чувствовал на руках одинокого маленького человечка, которому, наверное, очень плохо...

Вскоре он выбрался из дома и на секунду замедлил шаг: солнечный свет ослепил глаза. В грудь ворвался чистый воздух – после полумрака и сырости это было неожиданно, но приятно.

Антон наконец остановился, отдышался. Посмотрел на мальчика: тот неподвижно лежал у него на руках. В дневном свете он казался еще бледнее. Антон легонько покачал его. Малыш открыл глаза. И не удивился, увидев Антона. Только шёпотом попросил пить...

«Да где же я тебе возьму воды?!» – в отчаянии подумал Антон. Что делать? Он прошептал ему:

– Ты потерпи.

Погладил его по светлым волосам... И, наверное, от этой нежности мальчик пришёл в себя. Даже приподнялся на руках у Антона. Спросил испуганно:

– Ты кто?

– Да ты не бойся! Я – Антон.

– Я не боюсь...

Он опустил его на песок. Мальчик тут же сел на корточки.

Антон наклонился к нему:

– А ты кто?

Мальчик прошептал одними губами, но Антон понял:

– Славка... – И снова закрыл глаза.

«Блин, что же делать?! Тащить его в больницу? Но куда?..»

Хоть передохнуть где-нибудь...» Антон огляделся вокруг.

Недалеко от здания торчали бетонные сваи. В некоторых местах, там, где они были вбиты в землю достаточно глубоко, на них лежали плиты. Несколько таких свай с плитами поверх них образовывали закуточки с «крышей». Возле одного такого и остановился Антон со Славкой на руках. «Крыша» находилась на уровне его плеч. По ширине закуток был метра два. Рядом валялись остатки старых досок. Все эти конструкции были обнесены покосившимся деревянным забором. Не совсем понятно, для чего они предназначались, да и неважно это было сейчас двум усталым мальчишкам. Важно, что они защищали от ветра, дождя и посторонних глаз. Бом-зам нечего было делать в таких маленьких закутках. Собакам нечего было здесь есть. Лишь ветер гулял по заброшенному комплексу, задувая в щели между сваями мелкие песчинки.

Тошка присел, опустил малыша на песок возле закутка. Снял с головы кепку, бросил ему под голову. Встал, поднял с песка несколько старых досок, положил их внутрь. «Хорошо, что не было дождя – доски сухие...» Поднял Славку с земли, занес в закуток, присел с ним на доски. Малыш зашевелился и открыл глаза. Осмотрелся вокруг, спросил удивленно:

– Где мы?

– Не бойся, всё в порядке. Здесь безопасно...

Малыш слабенько улыбнулся:

– Да я и не боюсь... С тобой. – Хорошая у него была улыб-

ка. Добрая и открытая.

– Слушай, давай я тебе постелю свою куртку, а то у меня ноги затекли...

– Ладно. – Славик пересел на доски. – А у меня пузо болит. От голода...

Антон не выдержал, спросил:

– Да что же с тобой? Что ты там делал один?!

Славка не удивился.

– Я расскажу... У тебя нет чего-нибудь пожевать?

Антон покачал головой.

– Я сбегая в магазин. Сейчас. Ты побудешь здесь?

Славка кивнул. А глаза молили, чтобы он не уходил.

Грустные такие, большие серые глаза. Нет, они не просто грустные, они измученные какие-то. Антон присел перед ним.

– Славик, я приду. Скоро. Только ты, пожалуйста, потерпи, ладно? Не уходи никуда...

– Да я и не могу...

Антон выбрался из закутка. Осмотрелся внимательно, запоминая место. И побежал туда, где от солнца светились окна многоэтажек...

В магазине он отдышался. Взял буханку хлеба, шоколадку и большую бутылку воды. Продавщица оживлённо говорила по телефону и, кажется, даже не обратила внимания на его встрепанный вид. Машинально, не отрываясь от разговора,

дала сдачу, положила продукты в пакет, протянула его Тошке... Так же быстро бежал он обратно. Память его не подвела: вот стройка, забор... Сердце отчаянно бухало, вырываясь из груди. А в такт ему вертелось в голове: «Славка... Славка... Славка, как он там?..»

Славка сидел, так же прислонившись спиной к бетонной свае. В той же позе, в которой его оставил Антон. Услышав шаги, он открыл глаза. Слабо улыбнулся:

– Ты пришёл!

– А как же!

Антон достал хлеб, отломил кусок. Достал шоколадку, отломил полосочку Славке. Себе взял только хлеба. Открыл воду. Славка с минуту жадно пил. Потом принялся за шоколад. А уже потом – за хлеб. Вцепился в кусок и быстро умял его. Снова попросил воды...

Когда человек долго не ест – ему нельзя сразу много. Антон спросил Славку:

– Ну как, лучше тебе?

– Ага... – ответил малыш, а сам продолжал смотреть то на хлеб, то на Антона. Вдруг прикрыл глаза и прислонился к бетонной стене.

– Славка?!

– Ничего, я сейчас...

«Э-э-э, нет! Так дело не пойдет...» – растерянно подумал Антон. Сел рядом, взял малыша за ладошку. Она была маленькой и почему-то холодной.

– Славка... – снова позвал он.

– А? – еле слышно отозвался Славка, потом чуть твёрже: –

Что?

– Славка, тебе очень плохо?

Если Славка скажет «да» или снова потеряет сознание, тогда придется искать врача... Ну да сейчас не до себя! Главное – Славка!

Он был бледный, невысокий. Худенький, через белую кожу просвечивали тоненькие синие сосуды. Сквозь отросшую чёлку светлых волос светились доверчивые и не по-детски серьёзные глаза. Доверчивые, но не беспомощные. Этими глазами он посмотрел на Антона.

– Ничего! У меня иногда бывает такое. Давай лучше я расскажу...

– Если можешь...

Глава 4. Двое на одной дороге

...Прошлым летом малыш Славик Солнышкин с мамой, отцом и старшей сестрой поехали на море. Славик очень мечтал увидеть море – старшая сестра много о нём рассказывала и показывала разные картинки... Ехали они на поезде, что для Славки было впервые. Всё вокруг было новое, непривычное и интересное. И верхние полки, куда можно было забираться, лежать там и смотреть в окошко, и длинные блестящие рельсы, и ночные огни на полустанках, и кипятилок в большом «самоваре», и куча людей на станциях... Большие остановки интересовали его больше всего: Славке очень нравилось наблюдать за тем, как рабочие стучат по колесам и осматривают поезд. Так нравилось, что он и сам не заметил, как пошел за одним из рабочих. А когда заметил, то понял, что рядом нет ни мамы, ни сестры, ни папы... Только огромное количество людей, которые не обращали на него внимания. Славик отправился искать родителей, ему показалось, что они стояли у синего киоска рядом с поездом... Но там их не было. Оглядевшись, Славка увидел вдалеке женщину, похожую на маму, побежал за ней – но это была не мама.

И тут он испугался. Потому что людей много, а родителей нет. И его никто не видит. И он один! Он ещё раз в отчаянии обернулся, как вдруг кто-то осторожно взял его за руку. Славка поднял глаза и увидел двух взрослых парней. «Маль-

чик, пойдём с нами. Мы тебе такое покажем!» – «Вы не видели мою маму?» – «Видели, конечно, пойдём!»

Славка пошёл с ними. Он был расстроен, устал и верил, что эти мужчины помогут ему найти родителей. И уже плохо помнил, как оказался в машине. Там его укачало, и он ненадолго задремал...

Проснулся он в тёмной комнате. Через окна с трещинами увидел, что уже вечер. Горела тусклая лампочка. Он лежал на каких-то досках, а парни о чём-то шептались. Славке стало страшно. Мамы тут не было, а шёпот показался ему страшным. Он услышал: «Сколько, думаешь, нам за него отваяют?.. Ты уже Барону звонил?.. Пойдём выйдем, обсудим...»

Славка притворился, что он спит, и лежал тихонько, потом услышал шаги, скрип двери. И наступила тишина. Тогда он открыл глаза – в комнате никого не было. Чувствуя что-то страшное, он встал. Подошёл к окошку. Посмотрел. Окна находились рядом с землёй, на улице никого не было видно. Славка подвинул несколько досок, вскарабкался на подоконник, открыл форточку и вылез через нее. Не удержавшись, больно шлепнулся на землю. Вскочил и, не оглядываясь, быстро пошёл подальше от этого места.

«Мама!» – Славка молча плакал и продолжал идти. Он не знал – куда... Он хотел встретить хоть кого-то, кто поможет ему найти маму. Он не понимал, где он находится: поездов совсем не слышно, дома закончились, рядом – пустырь. Бы-

ло уже совсем темно, он очень хотел кушать, внезапно закружилась голова...

А потом он оказался в холодной бетонной комнате. Здесь было трое мужчин, грязных и оборванных. Они долго его спрашивали, Славка пытался им рассказать, кто он, плакал. Просил помочь ему найти маму. Они лишь развели руками... Дали ему поесть хлеба, отыскиали пачку сухой лапши и воду. В угол набросали тряпок, соорудив для него постель. Сказали: «Живи здесь пока». И он остался...

Зимой было очень холодно, одежды у Славки не было, и он редко выходил на улицу. Эти люди кормили его, грели у огня, дали ему куртку, правда очень большого размера, и он укрывался ей, как одеялом. Или одевал её на себя, подворачивал рукава и выходил на улицу. Но гулять так долго не мог – в ботинках замерзали ноги. Только и бродил по пустырю, молча и грустно поглядывая на светящиеся вдалеке окна жилых домов. «Там сейчас кушают, – думал он. – Чей-то папа пришёл в работы, и мама кормит его обедом...» «А вон там, наверное, уже ложатся спать и мама читает книжку своему сыну...».

Холодный зимний ветер врвался в воротник, замораживал горькие слезинки. Осенью было лучше – Славка гулял во дворах этих домов и спрашивал ребят, где находится вокзал. Большим мужчинам он больше не верил. Но дети не могли ему рассказать, где поезда. А сам он боялся идти искать, боялся снова повстречать тех парней... В сером здании

было скучно, вечером становилось совсем темно. Тогда он закрывал глаза и придумывал, что сейчас делает мама. Он представлял всё до мелочей, иногда так отчетливо, что даже вздрагивал от маминого голоса... Строил домики из обломков досок. Рисовал ржавыми гвоздями на бетонных стенах поезда и машины, самолёты и корабли...

Так и жил Славка. Прошла зима, снега с каждым днем становилось всё меньше и меньше... Он стал чаще гулять, бродил по дворам, отводя глаза от настороженных взглядов прохожих. Ребята не играли с ним. Почему – он не знал. Кушать случалось нечасто – те люди, которые подкармливали его, всё реже появлялись в заброшенном доме. Несколько раз они брали его с собой – он помогал им таскать ящики, искал бутылки. Узнал, где находится вокзал, но что толку? Он забыл, как называется его город... Хотя адрес свой знал: улица Ленина, восьмой дом, квартира двенадцать.

Однажды несколько дней он был один. В доме никого не было. Еды не было тоже, последний раз на улице какая-то заботливая бабушка купила ему булочку. Ночью Славик проснулся от непонятного шороха – пришли люди и стали носить какие-то ящики. Он взялся помогать... Ящик был очень тяжёлым, а руки не послушались, и он выскользнул на пол, краем упав на Славкину ногу! А он был босиком, потому что ботинки стали ему ужасно давить на пальцы, и надевал он их только на улицу, иногда. Славка вскрикнул от боли, отскочил в свою комнату, сжал зубы, чтобы не кричать

больше... Потом к нему подошёл один человек и сказал, что они уходят надолго. Что их не надо ждать. Что-то сказал про адрес, где Славик найдет людей и еду. А он кивал и почти не слушал – то ли от боли, то ли от голода кружилась голова. Наверное, никто и не заметил, что ему придавили палец...

А через два дня Славка не знал, что делать. Он остался один. Адрес он, конечно, прослушал, нога болела, сил вставать уже не было... Очень хотелось пить... И спать...

А потом его нашёл Антон.

Антон слушал молча. Лишь изредка гладил малыша по светлым волосам. Или по спине. Худые лопатки замирали, когда до них дотрагивалась Тошкина рука. И Славка тихонько сопел, доверчивый и притихший. Как будто...

Как будто братишка...

Славка посмотрел на Антона:

– А ты кто такой? И что ты здесь делал?

Ох! Антон неловко заёрзал. Потом сказал:

– Я расскажу... Дать тебе ещё хлеба?

– Если можно... – шёпотом сказал малыш.

А когда поел ещё – повеселел. В глазах заблестели озорные искорки. Он повозился, зашевелил лопатками.

– У меня спина замёрзла. Можно я полежу?

– Ложись. После сытного обеда...

– Чего?

– По закону Архимеда полагается поспать!

Славка хихикнул. Улегся, подпёр рукой щеку:

– Давай рассказывай.

– Чего рассказывать-то?

– Где твои родители?

– В Европе.

– Чего? – растерянно спросил малыш и заморгал. Не понял.

– Они в Европе, – повторил Тошка и уставился на свои кроссовки. Какие они пыльные! А Славка – босиком... Малыш молчал – ждал.

– Они там работают.

– А тебя почему не взяли?

– Ну... Говорят, что тут лучше. Они же там всё время в поездках... – вздохнул Антон и добавил: – Они археологи.

– Ого...

– Ну да, интересно... Папа столько историй рассказывает, когда приезжает!

– Антон, а с кем ты живешь?

– Ни с кем. Я в интернате живу... Жил.

Славка молчал и смотрел на него, не сводя взгляда, не понимая и не решаясь спрашивать дальше. Антон вздохнул:

– Ну, слушай... – И начал рассказывать.

В прошлом году родителям предложили новую работу: нужно было ездить в экспедиции, да ещё и в разные страны! И папа попросил Тошку перетерпеть. И мама попросила. Потому что работа хорошая, интересная, а главное – там

платят деньги. А здесь – копейки... Тошка особой разницы в этом не видел, а родителей это почему-то очень волновало. Особенно летом и осенью: когда хотелось в отпуск, и когда нужно было готовиться к школе. И приходилось выбирать что-то одно.

Ему, если честно, где отдыхать было всё равно. Дома хорошо: куча книжек, на каникулах уроки делать не надо – можно сколько угодно спать, читать или гулять. Носиться на велике или гонять в футбол. И всё! И больше ничего не нужно...

Нет, нужно было... Чтобы родители не ссорились. Это случалось нечасто. Но всё же случалось, и тогда дома всё становилось натянутым, грустным и ноющим, словно больной зуб. А когда они наконец мирились, Тошка вздыхал с облегчением... И хотел, чтобы подольше длился их мир. Он даже догадывался, из-за чего они ругаются... А понимая – огорчался, потому что здесь он ничем помочь не мог. Почти не мог.

Когда мама получила то письмо, она так обрадовалась! Она ходила такая довольная, и всё делала с такой лёгкостью, и не ругала Тошку за тройку по математике, не загоняла его в постель по вечерам, и даже не рассердилась за книжку с фонариком... И папа не хмурился... И вообще, они были такие, как двое старых друзей, и как-то подобрали сразу...

А потом... Потом, ну что говорить? Они попросили его потерпеть. И он согласился.

А интернат выбрали рядом со столицей, потому что сюда

добраться проще. В Москве – аэропорт, оттуда пара часов на электричке – это ведь ближе, чем полсутки пилить на поезде. Понятно, что сюда они могут приезжать чаще.

Папа всё обещал взять его в поездку. Но не получалось – не разрешали брать детей, или, может, он просто боялся. А Тошка ждал. И терпел.

Хорошо, что был рядом Шурка. С ним было легче, с ним было спокойнее, когда он был рядом, тоска отходила. Когда Тошка рассказывал ему о прошлой жизни, друг слушал его так внимательно, говорил – с удовольствием, расспрашивал – не боялся, и видно было, что ему интересно. А Тошка о доме мог говорить долго-долго... Потому что тогда он был как бы немного там. Иногда говорить не хотелось и здорово было просто вместе что-нибудь читать... Или рассматривать устройство самолётов на картинках – да, было у них и такое увлечение...

– А где он, Шурка? – спросил Славка.

– Он остался... – тихо сказал Антон и замолчал.

– Подожди, Антон. Значит, ты убежал оттуда?

– Ну... Славка, понимаешь... Я не могу. Это вот как такой сон-кошмар, только во сне ты можешь проснуться, а здесь – нет.

И Тошка рассказал про Кривецкого с друзьями и про вчерашнее. Старался посдержаннее – не получилось.

– Я просто не понимаю, почему они мне жизни не дают...

Славка молчал. Потом сказал полушёпотом:

– Антон, а как же Шурка?

Зачем Славка это спросил?! Он и так знает, что поступил, как последняя свинья. Как предатель. Потому что Шурка заступался за него, а он его бросил! Нет, он тоже заступался за него, но сейчас-то друг остался один!

– Я ведь даже не думал о нём... – выдавил Тошка. – Я не знаю, что делать теперь...

– А у него где родители?

– Тут сложная история. Он не знает... Ничего про них не помнит. Совсем.

Славка снова замолчал. Тошка чувствовал, как он тихонько сопит ему в плечо, и от его дыхания внутри у него что-то согревалось. И даже осторожно колыхалась радость, что он рядом... Такой малыш!

Здесь совсем было тихо. Не слышно города. И солнце горит в небе, на котором сегодня нет облаков! И кажется, что песок тёплый...

Славка сказал:

– Антон... Может, он вспомнит и найдёт их...

– Может быть, – грустно сказал Тошка.

– А если нет, то нужно будет вытащить его оттуда! Антон, пусть твои родители помогут!

– Но ведь до них нужно ещё добраться...

Глава 5. Мечта

– А что у тебя с пальцем? – вспомнил Антон.

– Ну... – Славка покосился на ногу. – Болит...

– Покажи.

Да, придавили не слабо... Палец распух, и до него было больно дотрагиваться. Антону это не понравилось.

Сам он пальцев никогда не придавливал. А нет, было как-то в детстве: он нечаянно прищемил себе дверью, но сразу приложили холод, и всё быстро прошло. А сейчас холод не приложишь – где его взять-то? Надо лекарство какое-нибудь... Но выбираться опять в город? А вдруг поймают? Неприятные мурашки липкого страха пробежали по спине. Впрочем, он тут же одёрнул себя: «Ты что! Ему же больно! И вообще, почему сразу поймают...» Вспомнить бы лекарство от ушибов...

– Славик, я пойду в аптеку. Надо.

Славка понял, кивнул молча.

– Может, вход досками закрыть?

– Нет, не надо! Если что – я сам попробую...

– Только ты не уходи никуда! Я скоро.

Антон вышел на свет и заторопился, по дороге вспоминая все лекарства, которыми приходилось лечить разбитые коленки и синяки: «Перекись... Йод – нет, не нужен, зелёнка тоже... Что же ещё? А, кажется, мама мазала ему синяки

«Спасателем». И от фингалов Шурка советовал прикладывать холод. Значит, холод все-таки нужен... И бинт нужно купить...» Район незнакомый, где тут аптека, он не знал. Решился подойти к молодой девушке на пешеходном переходе.

– Скажите, пожалуйста, где здесь аптека?

– А вон там, видишь, – она показала рукой на девятиэтажный дом через дорогу, внимательно посмотрела на Антона. И он вспомнил, какой у него помятый вид.

– Спасибо! – и бегом направился в сторону аптеки. Вышел оттуда, нахмурившись, и с маленьким пакетиком. Двести рублей... Это несколько дней еды... В аптеке на него внимания не обратили, видимо, в интернате ещё не начали искать.

* * *

Рано утром майора полиции Валерия Карандашина разбудил телефонный звонок.

– Валера? Слышишь, тут срочное дело. Все разъехались, просить некого. Выходи сегодня на службу.

«Что там такое случилось?» – подумал Валерий. Супруга ещё спала. Он не стал будить её. Сделал себе чаю, написал записку, оставил на столе: «Доброе утро, Лисёнок! Меня вызвали сегодня. Неохота, но надо. Днём позвоню».

А в кабинете ему коротко изложили ситуацию:

– Пропал мальчик. Интернатский. Куда – неизвестно. По-

сле драки с товарищем и разговора в кабинете директора. О чём там говорили, пока не выяснено, но из кабинета мальчишка убежал и больше его не видели. Сообщили сегодня ночью, – подполковник вздохнул, но тут же собрался. – Схватились! На вопрос, почему раньше не объявили, говорят, что думали – психанул, побегает и вернётся. А он – вон как... Значит так – приметы: светлые волосы, голубые глаза, невысокого роста. Возраст: одиннадцать лет. Был в чёрных штанах, оранжевой футболке, взял с собой голубую куртку и чёрную кепку. Смотрите по фотографии. – Он протянул Карандашину фотографию Антона.

С фотографии смотрел на Валерия обычный мальчишка. Курносый, с мелкими, едва заметными веснушками на светленьком личике и пронзительно синими глазами. Рот приоткрыт в несмелой улыбке, в полуслове, будто мальчишка говорил фотографу что-то смешное. На взъерошенных светлых волосах была надета кепка. Тёмные, немного помятые брюки, наброшенная на плечи курточка. В руках мальчишка держал какой-то пакет с неразборчивой надписью.

– Нормальный парень, – пробормотал Валера. Страшно было сознавать, что, возможно, его уже нет на свете... Или есть? Пока прошло немного времени – есть возможность найти... Вот не любил Валера разыскивать людей: необъятный простор, который нужно объять: ведь отыскать такого мальчишку даже в городе всё равно, что иголку в стог сена. И пугающий туман неизвестности... Ничего, кроме тоскли-

вого ожидания, не сулило это дело. Но вдруг?

– Вот его личное дело из интерната. Посмотри. Телефоны родителей должны быть там же, но они, кажется, за границей. Нужно звонить, узнавать... В общем, давай, берись. Я сейчас ещё ребятам позвоню. – И он поднял трубку. Валерий прислонился к стене и стал смотреть тоненькую папку с надписью: «Ветерков Антон Борисович».

* * *

Всего этого Антон, конечно же, не знал. И, возвращаясь к Славке, то бегом, то отдыхая, он подсчитывал, когда его будут искать. Вчера, когда он сбежал из интерната, наверное, думали, что вечером вернётся. Скорее всего, рассчитывали, что справятся сами. Но раз его не нашли, то уже должны были сообщить в полицию. Там пока разберутся, пока найдут людей... Получается, завтра уже будут искать всюю. Надо быть осторожнее...

Ох, он ведь совсем не подумал, сколько людей из-за него поднимут на ноги... И родителей... Нет, родителям не смогут сейчас сообщить – когда они в экспедиции, у них не всегда есть связь. А когда они вернуться, то он будет дома...

А что ему, оставаться? Пожалуйста, только не это!

Он не знал, что не сможет без родителей... Он думал, что так будет лучше. Он верил им, что так будет лучше, и он точно знал, что они так будут меньше ссориться. А может,

и вовсе не будут...

Но он не знал, что будет так плохо... И при одной мысли, что нужно ждать ещё тысячу часов, а потом ещё, а потом – ещё... при одной этой мысли сердце начинало трепыхаться так, словно пойманная в клетку птица. Или молчать – так же. Безысходно.

«Мама... Мама, пожалуйста, прости... Я не могу...»

«Господи, как же я хочу домой... Это возможно?»

И Славка рядом... Так неожиданно. Но почему-то, когда он о нём начинает думать, становится так хорошо, словно он нашёл младшего брата. Правда, не совсем понятно, как быть дальше...

Ну вот, он уже пришёл. Вот и Славка.

– Вот видишь, как я быстро! Давай свою ногу.

– А это не больно?

– Я не знаю. Я постараюсь не больно...

Антон достал из пакетика влажные салфетки, вытер ими руки. Достал перекись, щедро полил Славкин палец. Славка молчал, только острые скулы затвердели. Антон раскрыл бинт, открыл тубики с мазями, которые посоветовала аптекарша. Выдавил обе мази на бинт, положил его на палец. Забинтовал. Славка тихо вздохнул.

– Жить будешь, – улыбнулся Антон.

Убрал всё в пакет и достал их ужин. Большой кусок хлеба Славке, себе хватит и поменьше. Отломил кусочек шоколадки...

Так они сидели возле своего «жилища», смотрели на заходящее солнце и жевали. Молчали. Антон положил руку на Славкино плечо. Малыш придвинулся к Антону. Дышал тихонько и ронял маленькие крошки хлеба, и аккуратно клал их в рот.

Когда последний луч солнца скрылся за розовой дымкой весенних облаков, Антон встал, нашёл ещё две доски и закрыл ими вход в закуток снизу. Так не будет задувать и не будет видно, как они спят.

С сумерками опустилась прохлада. Славка зевал.

– Давай-ка спать, – предложил Антон. – У меня нет фонарика.

– Сейчас... Антон, а ты как думаешь... Мама не забыла меня?

– Славка, да ты что! Это же мама! Да она, наверное, до сих пор тебя ищет!

А самому было грустно. Где она, Славкина мама, и каково ей без сына?

Славка с минуту молчал, глядя на свои ободренные штанишки. Потом поднял на Антона мокрые глаза. Достал из нагрудного кармана сложенный пополам старенький файл из фотоальбома, внутри которого лежала карточка. Протянул ему.

С потёртой фотобумаги на Антона ласково смотрела незнакомая женщина. Тёмные волосы, аккуратно уложенные в причёску, добрые, немножко печальные и совсем Славки-

ны глаза, мягкие брови, губы, дрогнувшие в слабой улыбке. Что-то неуловимо знакомое и, в тоже время, давно забытое было в этом портрете. Женщина излучала то спокойствие, которое излучает каждая мама для своего ребенка. Казалось, будто она говорила Антону: «Не переживай, малыш... Все будет хорошо...»

– Вот она, мама, – тихо выдохнул рядом Славка.

– Какая она у тебя! – шёпотом сказал Антон.

– Она добрая...

– Ага, я вижу... Слав, откуда это у тебя? – Он протянул Славке фотографию.

– Ну... – Славка замялся, – в поезде мы смотрели фотографии, и я взял. Не захотел отдавать почему-то...

«Будто знал» – подумалось Антону. Да, это была Мама... Сразу стало так, будто дом, будто его мама – рядом...

Славка прошептал что-то, убрал фотографию в кармашек на груди. Повозился на Тошкиной куртке, устраиваясь поудобнее. Антон улегся рядом.

– Славка, а сколько тебе лет?

– Пять...

– А читать ты умеешь?

– Не умею. Я буквы знаю, слоги. А читать – нет. И считать немножко...

– Я тебя научу, – прошептал Антон.

– Правда?

– Правда.

– Антон, уже совсем темно стало... Ты не уйдешь никуда?

– Нет. Я с тобой.

Славка ещё немного повозился, а потом тихонько засопел.

Уснул. А Тошка ещё долго не спал – всё думал, глядя сквозь щели в досках на тёмное майское небо. Думал о предстоящем путешествии. Выдержит ли Славка? Хватит ли денег? Ясно, что не хватит, но тогда где их взять?

Вокруг стояла тишина. Прохладный весенний воздух втягивался в щель и словно торопил Антона. «Нужно ехать, – думал он, – время идёт... Нужно...»

Холодно, а укрыться нечем. «Вытащить бы куртку, да Славка так сладко спит...» – Малыш свернулся клубочком, положил кулаки под голову. Старая футболка съехала, соскочилась, живот остался голым. Славка спал, приоткрыв рот, лишь изредка вздыхал. Такой малыш! Ну, никак ему не дашь пять, на вид – года четыре. Только серьёзные и грустные глаза говорили правду... «Ох и натерпелся же ты... А что нас ждет? Один лишь Бог знает... Господи, сохрани малыша Славку!»

Антон не умел молиться, но в Бога он верил. Мама ему много рассказывала о Нём, и вместе они ходили в храм. Маленькому Тошке там очень нравилось: сказочные огоньки свечек, пение, ласковые лики икон Спасителя и Богородицы... Даже в интернате он иногда бегал туда. Снимал свою кепку, тихонько, боясь потревожить царящий покой, становился в уголок: там была икона Богородицы с Младенцем на

руках – как дома. Он просто смотрел на неё, и становилось спокойно, таяла грусть... Иногда он просил совета. Иногда просто шептал: «Спасибо!» Он никому не говорил о своей вере. Всё хотел рассказать Шурке, да не успел...

Антон вздохнул, прижался к Славке и закрыл глаза. «Послезавтра... Пусть Славик хоть чуть-чуть окрепнет...» – подумал он и уснул.

Глава 6. Ночные поиски

...– Тошка, смотри, он полетел!

– Ага, я вижу... – прошептал Антон. Не верилось.

Змей неподвижно висел в густой синеве. Горячий воздух держал его.

Над зелёной травой кружились бабочки: какое-то огромное множество белых лепестков в хаотичном танце возле ручейка. А белый змей в синей высоте покачивал длинным хвостом и опускаться не собирался.

– Здорово, да?

– Ты молодец, Шурка!

– А чего я-то? Это ведь ты придумал.

– Придумал... А кто строил?

– Тошка, я поверить не могу, что мы его сами собрали...

«Я поверить не могу, что у меня появился друг... Шурка, ты не уходи никуда, ладно?»

Тошка закусил губу и крепко сжал катушку с нитками. Не хочется, чтобы упал змей. На самом деле не хочется, чтобы Шурка убирал ладони с его плеч: вот бы стоять так и стоять на тёплой траве, поглядывать на серебристую от солнца речку и каждой клеточкой чувствовать рядом друга.

– Антон, – шепчет рядом Шурка, – Антон...

– Антон!

В момент всё завертелось и исчезло. Тошка растерянно

поморгал в темноте. Проснулся.

И увидел перепуганного Славку.

– Слав, ты что?

– Антон, там огни! Посмотри! – И малыш указал на щель.

Антон осторожно посмотрел в неё и прислушался. Со всем близко слышались незнакомые мужские голоса. По бетонным сваям, тёмному песку бродили белые лучи фонарей. Один из лучей высветил в темноте невысокого мужчину в погонах. Полиция... Антон посмотрел на Славку:

– Слав, это полиция... Это меня ищут! – прошептал он.

– Что мы будем делать?

– Сиди тихо-тихо, прислонись к боковой стене. Или ляг. Я сейчас закрою эту щель.

Он достал из-под себя большую доску. Тихо-тихо поднес к зияющей в темноте дыре. Вставил её между «крышей» и нижней доской – перегородкой. Сильно надавил – раздался негромкий щелчок: наверное, в бетоне была небольшая впадина, в которую и вошла доска. Покачал доску: она не двигалась, встала крепко. Теперь осталась лишь небольшая щель сверху, размером с кулак, но даже если туда кто-нибудь заглянет, то не увидит их, если они лягут поближе к доскам... Правда, придется полежать на холодном песке. Антон постелил туда куртку, лёг, приказал лечь рядом Славке. Малыш (вот молодец!) всё делал тихонько и молчал.

Рядом слышались шаги. Затем в щель наверху ударил

яркий свет фонаря, на несколько секунд осветив закуток, доски, бледное испуганное лицо Славки. Тошка замер. Славка вцепился в его руку.

– Эй, слушайте, тут закрыто!

– Выломай!

Человек постучал ногой по доске. Доска держалась. «Господи... Хоть бы выдержала...» Вдруг рядом послышались шаги и раздался голос:

– Что делаешь?

– Ломаю.

– Зачем?

– Валера сказал, значит надо!

– Да забей. Смотри, как тут крепко! – По доске раздалось два мощных удара. – Вряд ли один пацан мог так закрыть...

– Пацан не мог, а его могли. Ну-ка, помоги!

Доска затрещала, Тошка быстро сел, упёрся спиной. Напряг все силы, а мысли сжались в комок. Всё...

«Не надо! А как же Славка?!»

– Эй, скорее сюда, смотрите, что я тут нашел! – послышалось издалека.

Треск прекратился. Свет в щелях пометался и погас.

– Пойдем. Скажем Валере, а утром ещё вернёмся сюда и посмотрим.

Шаги стихли... Антон посидел немного, вытер со лба холодные капельки пота. Встал, выглянул в щель – темно. Вероятно, люди ушли на зов, но что будет утром?

– Слава...

Малыш повернул к Антону мокрое лицо. Вытер кулаком глаза.

– Слав, ты чего?

– Ага, чего! А если бы тебя поймали?! Я без тебя как?!

– Они ушли. Хорошо, что ты меня разбудил...

– Я как вспомнил, что ты рассказывал про Кривецкого, у меня аж мурашки пробежали... Тебя бы обратно отправили, да?

– Не знаю... Славка, давай спать. Завтра будет тяжёлый день. Надо уходить. Ложись!

– Антон, а ты почему не ложишься?

– Я посижу немного, послушаю... Спи! – строго сказал Тошка и укрыл малыша курткой.

Славка закрыл глаза. Вскоре он уснул, а Антон всё сидел, прислонившись в доскам. Сидел до тех пор, пока щели не стали серыми...

* * *

Майор Карандашин вернулся домой лишь под утро. Тихонько открыл дверь своей квартиры, скинул ботинки. Усталость плавно, как одеяло, накрывала с головой, звала в постель. Трудный день, безуспешный день... Никаких следов. Они обыскали гаражи, стройку, весь восточный микрорайон, нашли двух бродяг. А о пропавшем мальчишке никто ниче-

го не слышал...

Заброшенная стройка не давала ему покоя. Казалось, что что-то он упустил... Валера отрешённо смотрел на лампочку в коридоре, пытаясь вспомнить, что... А, те двое новичков, которые зачем-то просили вернуться утром – что-то у них там не открывалось... Надо будет съездить посмотреть самому. Только сначала немного поспать...

Валерий умылся и вошёл с комнату. Супруга ещё спала, уткнувшись носом в подушку. «Обиделась, наверное...» – он обещал позвонить ей днем, но так замотался, что совсем забыл о своем телефоне! Хотя ведь нет, мобильник вибрировал у него в кармане... Как вот теперь ей объяснить? Ладно, она поймет, она ведь сама... Вот это да, в суете сегодняшнего дня Валерий ведь и думать забыл о своем сыне! Это ж надо так! Наверное, оно и к лучшему: погрузившись в работу, он хоть ненадолго отвлекся от безрадостных воспоминаний...

Чтобы не будить спящую жену, Валерий устроился на диване. Взял со стола фотографию сына. Минут пять вглядывался в родные зелёные глаза... «Сашенька, сынок... Ты простишь меня? У того мальчишки ведь тоже есть родители. Я должен его найти, хотя бы потому, что не смог разыскать тебя...»

Очень хотелось спать. Сил не было даже подняться и поставить на место портрет – Валерий так и уснул с ним в руках. Через час проснулась супруга, улыбнулась, увидев мужа дома, накрыла его пледом. Подняла упавшую фотографию,

вздыхнув, поставила её на стол. И ушла на кухню варить горячий шоколад.

* * *

Вскоре в закутке стало видно спящего Славку. Утренний свет пробивался сквозь потрескавшиеся серые доски. Антон вздохнул: «Надо идти... Пока отряд не вернулся...»

Он наклонился к малышу. Тихонько подул на него. Прошептал:

– Слава! Слава, просыпайся! Славка...

Малыш открыл глаза. Удивленно.

– Это ты? А мне снилось, будто мама меня будила! Ты как мама говорил!

Антон улыбнулся, взъерошил Славке волосы. Достал из пакета остатки хлеба с шоколадкой.

– Давай завтракать. Нужно уходить.

– Уже?

– Славик, они сказали, что утром вернуться. Здесь нельзя оставаться. Несколько здоровых мужиков легко сломают доски...

Славка побледнел, кивнул. Не говоря ни слова взял хлеб, стал жевать. Трапеза длилась недолго. Антон допил остатки воды, сложил бутылку в пакет. Взял пакетик с бинтами.

– Давай свой палец.

Славка сморщился, но молча стал снимать повязку. Ан-

тон посмотрел и немного успокоился: краснота ушла, отек спал. Как и вчера, он обработал палец, завязал чистый бинт. Тюбики с мазями, салфетки и нераспечатанную пачку с бинтом он сложил в карман куртки. Остатки бинтов стал намазывать Славке на ноги.

– Антон, что ты делаешь? У меня не болят ноги!

– Возьмёшь мои кроссовки. Это, чтобы они тебе не натирали.

Он снял кроссовки, надел их на Славку, затянул потуже шнурки. Свои носки спрятал в другой карман куртки. Куртку одел на Славку.

– А ты?

– Надевай. Меня все равно по ней могут найти.

– А ноги?

Антон посмотрел на Славку и промолчал.

– Давай вылазить.

– Антон, давай! Только как?

Антон покачал верхнюю доску. Потом среднюю, потом нижнюю. Все доски сидели крепко, в верхней была трещина. «Если уж ночью её не смогли выломать...» Славка, видимо, понял:

– Антон, ты ногами попробуй!

Нет, не получается.

– Славка, помоги!

Славка дёрнулся, ударил ногами о доску, ойкнул, покачал больной ногой.

– Слав, ты не бей по ней, а дави. Давай ещё раз попробуем! Только не ногами, а навались на неё, и я навалюсь...

На секунду Антону стало страшно: а вдруг не откроется? Как в западне. Он потрянул головой, прогоняя глупые мысли: «Ничего, нас двое. А вдвоем всегда можно справиться!» Что-то хрустнуло, Антон сильнее навалился на доску – отвалилась только часть верхней доски, в том месте, где была трещина. Другая часть осталась на месте. Он сел, отдышался.

– Так, и как же теперь отсюда выбраться?

– Ничего, я пролезу, – сказал Славка.

– Ты-то пролезешь, а я как? – Антон почесал в затылке, покосился на дырку.

– А давай, ты будешь давить с этой стороны, а я – тянуть?

– Ну, давай...

Славка стал карабкаться, Антон – помогать. Шлёп – это малыш оказался на земле.

– Антон, давай!

Антон стал давить на доску изнутри, Славка – тянуть снаружи. Несколько минут стояла тишина, нарушаемая лишь настойчивым кряхтением. Под конец оба очень устали.

– Ладно, Слав, давай отдохнём немножко... Сейчас...

– Антон, а воду всю выпили?

– Всю...

Малыш вздохнул, потом спросил тревожно:

– Как ты вылезешь?

– Ничего, что-нибудь придумаем... Может, я и так...

И Антон стал протискиваться в щель. И... Немного застрял. Голова и грудь пролезли, а вот ниже... И ногами ни во что не упрешься! У Славки округлились глаза.

– Что теперь делать?

Антону было очень неудобно и в то же время – смешно. Как Винни-Пух в мультике. Надо ж так...

– Слава, потяни, пожалуйста, меня за руки!

Славка крепко схватил его за запястья и откинулся назад. Антон выдохнул, болтнул ногами в воздухе, охнул и... вывалился на песок. Схватился за плечо.

– Больно? – испугался Славка.

– Не очень... Уф, вылезли! – он оглянулся на закуток. – Ой, пакет мы оставили... Плохо.

– Давай я залезу, возьму!

– Не надо, вдруг ты тоже застрянешь!

– Но ведь его же найдут...

– Ну, найдут... Ладно, там же не написано, где мы будем... Так, сейчас, давай посидим на дорожку...

Славка сел рядом с Антоном. Помолчали. Малыш, не моргая, смотрел на солнце: оно оранжевым пятном разливалось на сизых облаках. Скоро оно поднимется и своим светом зальёт равнину... И город... Славка спросил Антона:

– А сейчас какой месяц?

– Май. А что?

– Я помню, в прошлом году у меня был день рождения, и солнце так же вставало. Рано-рано... Снег уже давно рас-

таял. Я проснулся и вышел на балкон. Мне сестра сказала тайну, что когда встаёшь раньше всех, то можно увидеть, как просыпается солнце. И я всё хотел увидеть, как же оно просыпается, а всё не получалось... То день дождливый, то я проспю. А тогда вот проснулся, вышел на балкон – и увидел... Так же красиво...

– Так ты в мае родился? А какого числа?

– Сейчас, – Славка зашептал, загибая пальцы, – Антон, сколько будет столько и ещё вот столько, – он один раз растопырил ладошки полностью, а во второй раз загнул два пальца.

– Восемнадцать.

– Ну вот, значит восемнадцатого... Да, так.

– А ты ничего не путаешь?

Славка замотал головой:

– Нет... Мне Надя объясняла. Один раз десять и ещё восемь. У нас же номер дома тоже восемь...

– А Надя – это кто?

– Сестра... – вздохнул Славка и замолчал.

И Тошка замолчал. Грустно. Потому что, какой праздник без подарков? Да и вообще...

Что – вообще, он объяснить не мог, он просто чувствовал, что не таким должен быть день рождения у пяти... нет, уже шестилетнего малыша. А раз так... Он порылся у себя в карманах, нащупал пистолет, подаренный Шуркой. Взял Славкину руку, вложил его в худенькую ладошку.

– Это зачем? – не понял малыш.

– Славка... Восемнадцатое мая... С днём варенья тебя! – улыбнулся Антон.

– Ой, правда?

– Ну да... Это тебе. Знаешь, он хоть и старый, но гремит, как настоящий. И корпус металлический, хороший. Он меня однажды очень выручил, помнишь, я тебе рассказывал?

Славка кивнул.

– Мне его Шурка подарил.

– А Шурке его кто подарил?

– Ой, Славка, он рассказывал, что ребята из больницы, которые у них вели кружок рисования... Он с ним не расстался, а потом на мой день рождения взял и отдал мне.

Малыш вскинул глаза:

– Антон, ну он же твой!

– Нет, бери! Он меня выручил, тебя тоже выручит.

Славка сунул пистолет за пояс потрепанных штанишек.

– Спасибо, Антон. – И улыбнулся, глянув из-под отросшей чёлки своими серыми, обычно невеселыми глазами, в которых сейчас отразались две искорки утреннего солнца.

Глава 7. Трудная дорога

– Антон, куда мы? Остаться же нельзя! – Славка тревожно смотрел на Антона, когда они покинули стройку и остановились у забора. Антон задумчиво смотрел на микрорайон, засунув руки в карманы штанов и насвистывая «Кукареллу». Славка потянул его за рукав.

– Славик, подожди. У нас есть две минутки. Давай подумаем ещё раз. Значит, мы едем ко мне домой.

Славик нетерпеливо кивнул.

– Твою маму мы специально искать не будем. Славик, не обижайся!

Славка снова кивнул, опустив голову. Антон присел перед ним на корточки. Взял его за теплые ладошки.

– Слав... Я понимаю... Тебе трудно, намного труднее, чем мне! Ты хочешь к маме, я знаю. Но я думаю, будет легче нам добраться до моего дома, а потом искать твою маму. Ты же даже не помнишь, как называется твой город... Если ты вспомнишь, Славка, мы обязательно поедem туда. Но так – как искать?

– Да, Антон... Только ты не бросай меня, ладно? – тихо попросил малыш.

– Славка, да ты что!

Славка шмыгнул носом. Посопел.

– Антон, куда мы сейчас?

– На вокзал. Будем ехать попутными поездами, денег у меня немного. А там посмотрим. Сейчас нужно как-то уехать из города.

– Ага.

– Ну, пойдём.

Не сговариваясь, ребята одновременно оглянулись на свое «убежище». Тени от бетонных свай отчетливо вырисовывались на песке. В солнечном свете стройка казалась не такой уж и мрачной. Только недостроенный дом зиял чёрными окнами, напоминая о прежних страхах. Славка взял Антона за руку. И Антон уже не первый раз подумал, что Славка – как младший брат.

Они прошли вдоль забора, вышли к окраине жилого микрорайона. Здесь Антон не очень хорошо ориентировался, но интуитивно чувствовал, куда нужно идти. Вокзал – южнее. Как его не знать?

Столько раз он ходил туда с родителями, провожая их! Да он как сейчас помнит ту дорожку, усыпанную осенними листьями, то до боли знакомое чувство, когда так хотелось догнать, вцепиться в рукав мамы или папы и никогда больше не расставаться!

Никогда... Но это – нельзя... Нужно «потерпеть», у них «контракт» – отвратительные слова! И он тихо, сдерживая дыхание, шёл за ними... И только на вокзале, в толпе, позволял себе шепнуть: «Мама! Папа! Приезжайте скорее! Пожалуйста...» И взглядом пытался остановить уходящий по-

езд... А потом – очень длинная дорога в интернат и тоска. Одна лишь радость – простой и добрый Шурка.

Шурка – друг. Он мечтатель и фантазёр, он любит книжки про будущее, а ещё он – художник. Рисует замечательные рисунки! Самолёты у него получаются как настоящие...

Но самолёты он не только рисовал, он их строил. Небольшие планеры собирал по схемам из старых учебников и всё мечтал построить аэроплан, который полетит над обрывом без мотора, в потоках воздуха... Но это – не главное.

Он такой... Мудрее, что ли. Может, Антону так казалось, потому что Шурка был на полгода старше его, может, потому что он давно жил в интернате... Но он другой. Не как все. Не смеялся без дела, он вообще редко смеялся... Спокойный – непробиваемый. И слушал всегда так внимательно, что хотелось рассказать ему всё-всё! А когда расскажешь, он посмотрит серьёзно, скажет всего несколько слов – немного, но как же становилось легче после них! И ничего не страшно...

От Кривецкого отбивались вместе – Шурку тоже он доставал. Шурка драться не умел, но если обижали Антона или кого-то из младших ребят – всегда заступался и не боялся того, что ждало его потом в спальней... А Тошка терпел до последнего, а потом, когда услышал, как Язык ржёт над Шуркой, как издевается над тем, что он левша – не выдержал. Подошёл и врезал. Кривецкий не понял сначала – от неожиданности. А потом стал караулить его после школы...

Антон передёрнул плечами. Интересно, вот как, как с ни-

ми справиться? Чтобы ходить спокойно, чтобы дышать спокойно, чтобы засыпать спокойно и не ждать, что проснёшься от того, что тебе подстроили очередную гадость?

«Да что тебе справляться, ты ведь сбежал... Как вот он там теперь один?»

Совсем стало грустно. Потому что теперь он как предатель. Что теперь делать? Он, наверное, уже бы не выдержал и вернулся в интернат, но рядом был Славка. Куда его денешь? Как его оставишь теперь?

– Антон, ты почему грустишь?

– Да так...

– Антон, мы доедем!

– Конечно! – Антон взлохматил Славке волосы.

Вдали показались башни вокзала. Разъезды, несколько длинных зелёных цепей вагонов. Гудели поезда. Звякали молотками рабочие, звенели рельсы. Через громкоговоритель женский голос рассказывал пассажирам о правилах пожарной безопасности, об отправляющихся и прибывающих поездах.

– Так вот он, вокзал... – шёпотом сказал Славка.

Антон снова присел перед ним.

– Слава, сейчас мы найдём внутрь, и ты купишь билеты. Попросишь какую-нибудь женщину. Если спросят, почему один, скажешь, что едешь со старшим братом, что подошла наша очередь, а брат отошёл ненадолго посмотреть расписание. Вот деньги. Запомнил?

– Да. Подойти к тёте и попросить купить билет.

– Два билета. До Гороховца. Я буду за тобой смотреть.

Ребята вошли внутрь большого здания с надписью «пригородные кассы». Здесь народу было много, несмотря на утреннее время. В кассы стояла небольшая очередь.

– Ну, давай, – шепнул Антон, осторожно подтолкнул Славку, а сам отошёл к стене и спрятался за столбом. Малыш подошёл к доброй на вид женщине среднего возраста, с большими пакетами в руках. Поднял на нее серьёзные глаза:

– Тетенька. Купите, пожалуйста, два билета до Гороховца. У нас поезд скоро приедет, а брат ушёл посмотреть расписание. Помогите, пожалуйста, купить билеты!

– Что ж ты маленький один совсем! – охнула та. – Куда вы едете? Как твой брат выглядит? Сколько ему лет?

От неприятного разговора Славку выручила кассирша. В динамике зазвучал строгий голос:

– Женщина, ваша очередь. Вам что?

– Ох... А мне... Будьте добры, один билет до Карякинской, туда и обратно. И два билета до...

– Гороховца, – подсказал Славка.

– Туда и обратно? Нет вроде... В один конец? – наклонилась она к Славке.

– Д-да, только туда...

Пока считали сдачу, Славка смотрел по сторонам. Всё так непривычно! Увидел Антона, заулыбался. Антон на Славку не смотрел, он смотрел куда-то за колонну, внимательно и

напряжённо.

– На, малыш, билеты. И сдачу.

– Спасибо большое! – Славка живо повернулся к женщине, протягивающей ему монетки.

– Давай брата-то поищем.

– А вон он! Вон у стены стоит, меня ищет. Ну ладно, я побегу! Спасибо! – скороговоркой проговорил Славка и побежал к Антону.

Женщина с минуту постояла, задумчиво глядя, как этот светлоголовый парнишка торопится к своему братишке, ловко обходя прохожих. И такая привязанность, такая любовь почудились ей в движениях малыша, что неожиданно подступил к горлу комок. Она увидела, как старший брат в большой, надвинутой на глаза кепке берет сдачу у малыша, пересчитывает, кладет её в карман, берет билеты, разглядывает их. Малыш смотрел на него так преданно, а лица старшего было не видно, и непонятно было – доволен ли он, рад ли малышу. Ей стало почему-то очень грустно. Старший ей не понравился. Тут она, кажется, вспомнила, что где-то его уже видела, но где? В кармане забренчал телефон, пока она его доставала, ребят уже не оказалось.

– Значит, через десять минут отправляется, – Антон ещё раз посмотрел на расписание. – Ну, что ж, поехали, – он взял за руку Славку. – Ты молодец!

Ребята направились вдоль платформ, отыскивая нужный

путь, на котором должна стоять электричка. «В расписании был шестой путь, где он? Платформа пятая почему-то...» – Антон пересчитал пути. Не мог он ошибиться, путь шестой, а электрички на нем нет! Хотя отправление через десять минут! Что же это?

Зато на соседнем пути, справа стоял поезд. «Москва – Екатеринбург» – прочитал он. Пожал плечами – направление то, но ведь это же не электричка... Без документов как сесть? Или попробовать объяснить проводнику... Наверное, не стоит... Так, раздумывая, Антон подошёл и остановился возле вагона.

Между тем электричка на соседнем пути так и не появилась, а поезд дал гудок, и это значило, что он скоро отправится. Проводница, невысокая пухлая женщина в синей куртке с маленьким значком «РЖД», покачивая кудрями белых волос, внимательно изучала билет какого-то мужчины впереди, и, казалось, не замечала двух мальчишек.

– Славик, ты лезь за мужчиной сразу. Я попробую ей объяснить.

Проводница отдала документы, мужчина стал забираться в вагон, Славка проскользнул за ним. Антон протянул билеты.

– Это что такое, молодой человек? – неласково обратилась она к Антону.

– Билеты. На электричку. Просто её нет, а нам нужно ехать, нас ждут!

– Кого «нас»?

– Нас с братом.

– С каким таким братом? Ничего не понимаю!

– Да ведь он только что вошёл!

– Не видела я никакого брата. А вы один путешествуете? Где ваши родители? Где документы? – она внимательно осмотрела Антона с макушки и до босых пяток.

Зачем он подошёл к ней?! Лучше бы сейчас исчезнуть! Испариться... Нет, не получится... Тогда Антон набрался наглости и ещё раз попросил:

– Пропустите, пожалуйста! Вот мои билеты на электричку! Ехать же недолго совсем! Не пришла электричка, видите, нет её! На шестом пути!

Проводница посмотрела на соседний путь. Проследив за её пристальным взглядом, Антон похолодел: к ним подходил полицейский. «Всё, – подумал он, – приехали. Надо бежать... Так, а Славка?!» Он хотел заглянуть в вагон, позвать малыша, но проводница загородила проход. Полицейский остановился с другой стороны.

– О чём спор, граждане?

– Этот молодой человек предъявил мне два билета, едет один без взрослых. Такой странный вид...

– Где твои родители? – Полицейский внимательно посмотрел на Антона. Антон молчал. Ему очень захотелось умыться и обуться.

– Откуда ты?

Антон молчал.

– Как тебя звать? Почему ты едешь один?

– Вот мои билеты. Я еду недалеко, поэтому один. Что тут такого? – Антон указал на два своих билетика в руках проводницы.

– Пройдем-ка... – Полицейский крепко взял его за локоть.

– Куда? Пойдите! Да вы что! У меня же брат в поезде остался!

Проводница покачала головой:

– Ещё и врёт! Ну что за молодежь сейчас пошла?

– Отпустите! Славка!

– Пойдём-пойдём... Отпустим после того, как выясним, кто ты и откуда. – Полицейский куда-то его потащил. Антон упёрся, пытаясь вырваться. Но пальцы держали железно.

– Вы ответите!

– Это кто ещё из нас ответит... Да иди же ты!

Полицейский потащил его к обшарпанной двери с маленькой синей табличкой «Полиция». Открыл дверь, втолкнул туда Антона: он с размаху ударился лбом об угол, да так, что искры из глаз посыпались! Человек открыл следующую дверь, впихнул его, а затем вошёл сам. Указал ему на потёртый стул:

– Садись.

– Не хочу!

На соседнем стуле сидел мрачный мужчина в наручниках, с интересом глянувший на Антона. Антон отвернулся и оки-

нул взглядом помещение.

За стульями находились окна, на окнах – решётки. Справа была дверь с табличкой «Службное помещение». Слева – дверь, через которую они вошли. Впереди стоял большой письменный стол, за которым сидел полный мужчина в синей рубашке с погонами. Он что-то писал. За мужчиной на стене висела большая карта области. Антон машинально стал её изучать. Мужчина несколько минут просматривал какие-то бумаги, затем поднял глаза, увидел молодого сотрудника и спросил:

– Что пришёл?

– Вот, – сотрудник указал на мальчика. – Нашли у поезда.

Мужчина в погонах внимательно посмотрел на Антона.

– Интересная находка, – задумчиво протянул он. Поднял телефонную трубку, набрал номер, – Валера, ты ещё не ушел? Загляни-ка ко мне... Что?.. Через пять минут?.. Хорошо, я подожду.

Положив трубку, он обратился к Антону:

– Давай рассказывай, кто ты такой. Да садись, не стесняйся, – он указал ручкой на стул.

– Ничего я не скажу! Отпустите меня!

– Странный какой-то ты. Быстрее расскажешь, быстрее отпустим. Хотя... Подождёшь, ничего с тобой не будет. И он о чем-то стал спрашивать злого мужчину в наручниках.

Антон уже не слышал ответа. В уши врезался гудок поезда. Того, в котором остался Славик!

«Неужели поехал?.. Всё?!» Что-то взорвалось в нём. Он увидел, как отвернулся молодой полицейский, кинулся к двери, рванул её и скользнул в проход. Ещё одна дверь – и он выскочил на улицу. Ещё быстрее, расталкивая народ и ища глазам поезд, он бежал к платформе. Но поезда не было! Зато на соседнем пути стояла электричка. Антон кинулся к ней, пробежал один вагон, и, схватившись за поручень, запрыгнул на ступени. Электричка свистнула, двери с грохотом закрылись. Платформа за окошком медленно поплыла...

Антон прислонился к стене, отдышался. «Что делать? – лихорадочно скакали мысли. – Стоять здесь долго нельзя – могут прийти контролеры, люди будут заходить... Куда едет электричка? Туда же, куда и поезд? Если она на соседнем пути, наверное, это та самая, из-за которой... которая не пришла... Неужели я не увижу больше Славку?!.. Ну, вырвался – и уже хорошо, – он похолодел, заново переживая те минуты, встряхнулся. – Но сейчас-то как быть? Ладно, всё потом...»

Он вошёл в вагон. Вагон был почти пустой: несколько бабушек и один парень с книжкой не обратили на него никакого внимания. Стараясь не смотреть на людей, которых было не так много, Антон прошёл через несколько вагонов и нашёл туалет. И закрылся в нём.

Стекла в раме почему-то не было, и в окно врывался прохладный ветер. Лохматил волосы. Освежал мысли. Антон стоял и смотрел, как мелькают зеленеющие деревья, полустанки со скучающими пассажирами, несколько товарных

поездов, зелёным ковриком расстилается новая трава...

Так прошло довольно много времени. Антон не знал сколько, но он устал стоять. Электричка шла быстро, две станции она уже проехала, не останавливаясь. «Следующая станция – Ковров первый» – раздалось вдруг в динамике. Антон вздрогнул: это был тот город, который лежал на его пути, мимо которого они со Славиком должны были проехать. И ведь поезд, в котором остался малыш, шёл в том же направлении!.. Другое дело, что поезд мог не остановиться там, но ведь это достаточно крупный город...

Антон хорошо знал географию, и не раз смотрел на карте железную дорогу до своего дома. Закроешь глаза – и вот она, карта, чёрной змейкой – его путь. Узелки на ней – города... Нужно держать направление на восток... Есть придётся понемногу – денег осталось совсем мало... И уже ехать без билетов... Ничего, он выдержит... Но как быть со Славкой? Забыть?! Тошка вздрогнул от этой мысли, сердце сжалось в холодной тоске... Найти? Но как найти шестилетнего малыша среди огромного множества людей?!

...Кто-то осторожно дёрнул ручку двери. Затем постучал. Антон замер. Кто-то снова подергал за ручку. «Да кому ж там не терпится?» – с досадой подумал он. Человек снаружи стал сильно толкать дверь.

«Что делать?» – Антону не хотелось ни с кем встречаться. Хватит на сегодня... Ручку снова задёрнули. «Что делать?» – снова подумал он.

Поезд медленно сбавлял ход. «Город недалеко... А что, если?..» – он посмотрел в незастеклённое окно. Встал на раму. Вспомнил из какой-то давно прочитанной книжки, что прыгать нужно по ходу движения поезда. Посмотрел вниз. Внутри что-то ухнуло... «А что ещё остаётся?!» – с отчаянием подумал Антон. Сжал зубы, медленно сосчитал до десяти и сильно оттолкнулся ногами...

Очнулся он уже в траве. Слышался гул уходящей электрички. В бедре и локте отозвалась ноющая тупая боль. Беспорядочно билось сердце в груди. Тошка полежал, отдышался. Посмотрел на высокое синее небо, чистое-чистое, без намёка на облачко, и потому – бесконечное. «Жив!» – радостно подумал он. Медленно сел, ощупал голову руками. «Жив!» Он вскочил, пошатнулся, потер ушибленный локоть. Постоял, осматриваясь.

Заливисто перекликались птицы. Яркое светило солнце, по-сказочному освещая лес. «Красота какая!» – удивился Тошка. Медленно поднялся на насыпь, оглянулся назад. Серебристые нити рельсов тянулись из-за горизонта, который сливался со светло-зелёной гладью деревьев. Впереди тоже был лес, но вдалеке Тошка разглядел белеющие башни и строения. «Ковров, – подумал он, – не он ли?» Позади – город, откуда он ушёл, интернат... Впереди – неизвестность. Какая она?

«Ну, не возвращаться же!.. А как же Славка? Как его теперь найдёшь?» – Антон ещё раз глянул вперёд и пошёл ту-

да, вдоль сверкающих рельсов.

Глава 8. Найти и потерять

Когда Славка зашёл в вагон поезда, он не стал уходить слишком далеко от входа, чтобы дожидаться Антона. Но из тамбура входили и выходили люди, и, чтобы им не мешать, Славка решил пройти вперед. Остановился возле самовара с кипятком. Сразу вспомнилась прошлогодняя поездка – он, Славка, всё никак не мог запомнить, как же называется эта штукавина с горячей водой, и, в конце концов, стал называть её самоваром. Они с Надюхой пили из него такой вкусный чай! Может, они с Антоном тоже будут пить чай? Так, а где же он, Антон? Что-то долго его нет... Славка посмотрел в окно и удивился – платформа поехала! Что за диво? А когда малыш понял, что это едет поезд, то испугался: где Антон?! Славка метнулся к двери и столкнулся с проводницей.

– Малыш, тебе чего? – воскликнула она. – Тебе что, постель дать?

– А-а, н-нет... Я на следующей станции выхожу.

– Понятно. Станция будет через полтора часа. Чего ты тут вертишься? Здесь люди ходят.

– Да я расписание посмотреть! Сейчас я уйду...

– А в каком ты купе?

– А, вон в том, – Славка неопределенно махнул рукой, – которое в середине.

– Ну, иди, иди.

Проводница не спеша направилась в другой конец вагона, а Славка подскочил к расписанию. Задумчиво постоял возле него. «Два часа, это, наверное, долго... Где же Антон?!» – в отчаянии думал он, теребя пояс штанишек. Неожиданно пальцы нащупали что-то твёрдое: пистолет, который подарил ему сегодня утром Антон. Антошка... Славка одёрнул себя, вытер мокрые глаза. Вдохнул и направился к выбранному купе. Интересно, кто вообще там?

Славка потянул рукоятку коричневой дверцы и вошёл. Неожиданно его накрыл ветер. Здесь было прохладно после духоты вагона.

– Эй, кто там? – раздалось откуда-то сверху.

– Да пацан какой-то! – ответил такой же молодой весёлый голос. – Дружище, тебе чего?

Славка глянул на верхние полки, очень удивившись: с одной полки выглянул парень в рубашке с подвёрнутыми рукавами, с другой на него смотрел парень в белой футболке и кепке, – вот таких ребят он никак не ожидал здесь увидеть!

– А вы кто?

– А ты кто? – откликнулся парень в кепке.

– Я – Славка! Я тут еду до следующей станции, – бойко ответил Славка.

– Силён брат! А ты с кем? – это парень в рубашке.

– Да вот... – Славка опустил голову и замолчал.

– Ну-ка, стой, – парень спрыгнул с полки, присел перед ним. – Давай поподробнее...

Второй парень сел на полке. Славка увидел, что на футболке у него нарисован большой ёжик и какая-то надпись... Ёжик подмигивал Славке, а Славка уставился в пол, вздохнул и начал говорить:

– Ну, мы с братом ехали, – слово «брат» выскочило как-то само собой, – я зашёл в поезд, а брат не знаю где... Остался, наверное...

– И?

– Вот, еду теперь... – Славка честно посмотрел в округлившиеся глаза человека перед ним, потом в удивленные глаза молчавшего человека наверху. Тишину прервал парень на полке:

– Юр, и что делать?

– Да я, Динь, и сам не понимаю пока... Давай поподробнее, – снова попросил парень Славку, – что за брат? К кому едете?

– Едем к родителям. Брат, конечно, старший...

– Одни, что ли? Брату сколько лет? Как его зовут?

– А что такого? – удивился Славка. – Брат помладше вас...

– А где ваши родители? В каком городе? Адрес-то ты знаешь?

Этого вопроса Славка боялся больше всего. Врать в глаза он не умел, тем более таким ребятам. Кажется, они люди хорошие... Не обидят его... Что же делать? Антона тоже не хочется подставлять, его же везде ищут... Как-то увернуться от ответов?

– Наш город скоро будет!

– А родители там? – продолжал допытываться Юра.

Славка промолчал.

– Они вас встретят?

– Н-нет, наверное... Мы домой сами приедем.

– А адрес ты знаешь?

– Нет, – очень тихо сказал Славка и посмотрел на ёжика.

Наступило неловкое молчание. Славка не знал, что делать, что ещё рассказать... Ладно, хуже не будет... Он и так потерял уже всё, что мог: родителей, Антона...

– Денис, что ты молчишь, – Юра обернулся и посмотрел вверх, – что делать-то будем?

– Я думаю, Юрка, придётся нам на пару деньков отложить военкомат.

– У нас могут быть проблемы, – опустившимся голосом сказал Юра.

– Да не бойся, как-нибудь выкрутимся! Пацан важнее. Сгинет где-нибудь...

– Я не сгину, я буду искать! – подал голосок Славка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.